

ный вариант с **й*-вокализмом (Schuster-Šewc 701; Pokorný I 947: *(*s*)*kreu-*). И в этом случае также нет существенного разделения значений ‘резать, отрывать (отщеплять)’ и ‘плести’. Это один из случаев древнего, относящегося еще к индоевропейскому языку отклонения корневого вокализма, а никак не позднее развитие в отдельных языках, как считает Фасмер (Vasmer I, 664), который исходит из влияния со стороны рус. *крыть*.

Примечания

- ¹ См.: Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, 221–227 (Далее – Трубачев. Ремесл.).
- ² Оба значения очень близки друг к другу, см. (Pokorný I, 935–936).
- ³ В настоящей статье можно отказаться от перечисления всех известных примеров. См. материалы этимологических словарей отдельных славянских языков.
- ⁴ Ср.: Трубачев. Ремесл. 222.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же, 224.
- ⁷ Profous A. Místní jména v Čechách. D. II. Praha, 1949, 399.
- ⁸ Eichler E. Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neise. Bd. 2 (K – M). Bautzen, 1987, здесь же другие материалы.
- ⁹ Trautmann R. Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. Bd. 2. Berlin, 1949, 14.

Перевела с немецкого Ж.Ж. Варбот

Д.И. Эдельман

ЕЩЕ РАЗ О КАВКАЗСКОМ НАЗВАНИИ ПЛУГА*

В статье А. Лома “К этимологии кавказского названия плуга”¹ автор опирается на сведения, которые приводит В.И. Абаев в своем “Историко-этимологическом словаре осетинского языка”, в статье *gūton* | *goton* ‘плуг’ (Абаев I, 527), а именно на названия (сохраняю здесь транскрипцию В.И. Абаева): арм. *gutan*, курд. *kotan*, азерб. *kotan*, груз. *gutani*, абхаз. *a-k'atàn*, авар. *kutan*, удин. *kotan*, дарг. *gutan*, вейнах. *gwota*, балкар. *gotan*. В.И. Абаев трактует их в качестве примеров общекавказского слова неизвестного происхождения, отмечая при этом, что данные слова обозначают “особое, более усовершенствованное или тяжелое орудие пахоты, в отличие от обычной

* Статья подготовлена в рамках финансируемого РГНФ проекта № 02-04-00071а.

сохи, для которой имеется другое, оригинальное название”, и приводя различные возможности этимологической интерпретации этих слов, с учетом данных разных языков (Абаев, там же).

А. Лома, рассмотрев мнение В.И. Абаева и других известных исследователей, анализировавших различные возможные источники происхождения слова и заимствования его в кавказские языки, в конце статьи приходит к справедливому выводу, что источник заимствования кавказского названия плуга следует искать в иранском языковом мире.

Вместе с тем, эти кавказские слова – в значительно большем количестве языков – уже подвергались исследованию этимологами-кавказоведами. В 1990 г. в статье Г.А. Климова и А.К. Шагирова “Общекавказское название плуга”² авторы ее рассматривали не только собственно лингвистический аспект проблемы, но и экстралингвистический, а именно принадлежность этого слова к субстантивам, входящим “в состав так называемого культурного словаря”, которые засвидетельствованы не только в автохтонных кавказских языках, но и в других языках региона; кроме того, авторы учитывали результаты исследований этнографов о характере и ареалах распространения самой реалии.

Поскольку эта статья была опубликована в сборнике, малодоступном в наши дни, представляется целесообразным привести здесь перечень слов, рассмотренных авторами (с сохранением их написания в статье, которое в большинстве северокавказских языков следует принятой орфографии): картвельские языки: груз. *гутани*, мегр. *гутани*, *гуртани*, сван. *гутан*; абхазско-адыгские языки: абхаз. *а-кватана* (бзыб.), *а-кватан* и *а-гван* (абж.), абазин. *кватан*, *а-кватан*, в адыгской ветви этих языков: бесленеевский диалект и малокабардинский говор кабардинского языка *куэтэн*, в кабардинском и в речи черкесов – в составе сложного слова *куэтэниэрхъ* ‘малое колесо однолемешного плуга’. В нахско-дагестанских языках слово представлено двумя разновидностями – с начальным звонким: в нахских языках и в некоторых цезских – цез., гунзиб. *гутан*, бацб. *гутан* ‘плуг’; ингуш. *гуота*, чеч. *гуота* (мн.ч. *гуотанаиш*) ‘плуг с приспособлениями для упряжки’ и – в большинстве других языков – с начальным глухим согласным: например, такие дагестанские формы, как авар., лакск., дарг., табасар., арчин., будух. *кутан*, лезгин. *куьтен*, удин. *кѳтѳн*. Из слов неавтохтонных языков здесь отмечены арм. *гутан*, осет. ирон. *гѳтон*, дигор. *готон* и примыкающие к дигорскому балкарские *гатон*, *готон*, несколько преобразовавшие вокализм дигорского слова. Формы с начальным глухим отмечены в татск. *кутан*, талыш. *кутэн*, *котэн*, азерб. *котан*, кумыкск. диал. *кутан*, и также в курд. *котан*, сирийск. (урмийский диалект) *кутан*, в турецко-анатолийском *кутан*³.

Авторы отмечают, что этим словом обозначается сложная железная конструкция – так называемый тяжелый плуг, в который впрягаются несколько пар волов и который приспособлен для пахоты на равнине или в речной долине, а не в горах. Отсюда – соображения о возникновении такого пахотного орудия не ранее начала железного века и об относительно позднем его проникновении в горные регионы, что подтверждается данными этнографии, на которые ссылаются авторы статьи⁴.

Далее, проанализировав, с одной стороны, ареальную дистрибуцию фонетических разновидностей лексемы, а с другой, – пути распространения по разным регионам Кавказа этого типа плуга, авторы прослеживают направления распространения реалии и лексемы, указывая, что центром иррадиации лексемы должен быть закавказский регион⁵.

После анализа различных гипотез о происхождении слова (в том числе и высказанных в работах грузинских и армянских исследователей), авторы статьи приходят к следующему выводу:

“На фоне изложенного выше представляется целесообразным ориентировать поиск этимологического решения еще на одно обстоятельство. Если учесть, что общее для грузинского и армянского языков лексическое достояние в большинстве случаев предполагает среднеперсидский (пехлевийский) источник – это либо их совместные заимствования из среднеперсидского, либо слова, проникшие в грузинский через посредство армянского, – то естественно высказать предположение, что аналогичное происхождение может иметь и общекавказское название плуга (при этом нельзя исключить возможности, что среднеперсидский служил лишь своего рода посредником в передаче некоторой более древней переднеазиатской традиции, с существованием которой приходится считаться при решении многих вопросов культурной истории Кавказа). Между тем, согласно догадке Д.И. Эдельман (устное сообщение), формально допустимо толкование этого слова и на собственно иранской почве: по видимому, возможна его интерпретация в качестве исторического композита, в первом компоненте которого *gu* мы имеем нулевую ступень огласовки именной основы *gau* ‘бык’, а во втором – глагольную основу *tan(a)-* ‘тянуть’ и, следовательно, с общим значением ‘бычья тяга, быками тянущееся’ (ср. сходным образом построенные таджикские образования типа *губон, губонак* ‘пастух’ < др.-перс. **gu-rapa* ‘быков (коров) пасущий’). Если последнее толкование верно, то слово должно было первоначально проникнуть из среднеперсидского языка в армянский и грузинский не позднее X столетия. Однако фрагментарная известность среднеперсидского корнеслова не позволяет в настоящее время достаточно убедительно обосновать эту догадку”⁶.

Сейчас мы можем сделать к этому выводу некоторые уточнения. Типологическим подтверждением образования названия пахотного орудия от основы со значением 'бык' служит участие исконной основы с этим же значением в абхазском и абазинском языках в глаголах абхаз. *a-cʷaγwara*, абазин. *jčʷaγwara* 'пахать', состоящих из основы 'бык' + неясный компонент⁷.

С точки зрения материала иранских языков, в уточнении нуждаются следующие моменты.

Поскольку в среднеперсидском языке интервокальные глухие смычные озвончались, как принято считать, уже в сасанидскую эпоху, то есть, начиная с III в. н.э., то заимствование формы типа **gutan-* или **gautan-* (о последней будет сказано ниже) с глухим интервокальным согласным *-t-* из среднеперсидского в грузинский и/или армянский языки может быть отнесено к периоду не позднее III в.

В среднеперсидском языке глагольная основа *-tan(a)-* в значении 'тянуть, тащить' могла быть результатом контаминации презентных основ от праиранских корней **tan-* 'тянуть, вытягивать, растягивать' (ср. авест. *tan-* 'растягивать, вытягивать') и **t/θan(g)-* 'тянуть, тащить' (ср. авест. *θang-* 'тянуть, тащить; управлять (повозкой)')⁸. Позднее, в классическом персидском, значение 'тянуть' становится вторым, уступив первое место значению 'свивать, вить, плести', которое в современном персидском языке стало практически единственным.

Таджикские *gubon* 'пастух' и позднее уменьшительно-ласкательное *gubonak* 'пастушок', употребительны в южных таджикских говорах, в том числе в таджикоязычных песенных вставках в сказочном фольклоре на Памире. Это существенно, поскольку в южных таджикских говорах гласная *u* может продолжать как среднеперсидское и раннее новоперсидское *ō*, восходящее к древнему дифтонгу **au*, так и среднеперсидское и раннее новоперсидское *ū*, восходящее к монофтонгу **ū*. Поэтому *gubon* 'пастух' может в этих говорах продолжать как **gū-pāna-*, так и **gau-pāna-*. Последний вариант исторически более вероятен, поскольку в других таджикских говорах существует форма *gowbon* 'пастух' < **gāw(a)-pāna-*. Из такого говора заимствованы шугнанские *gōw-būn* 'пастух', *gōw-būn(ak)* 'пастушок', отмеченные в другом памирском фольклорном варианте. В современном литературном таджикском языке это слово вытеснено другими названиями пастуха.

О прошлом более широком распространении сходных обозначений пастуха или хозяина стад свидетельствует ср.-перс. *girān* или *gōrān* (с неясной огласовкой первого слога) и предполагаемое скифское соответствующее слово, заимствованное в западнославянский в виде **gъранъ* (с краткой огласовкой)⁹.

Осетинские названия этого вида плуга: иронское *gūton* и дигорское *goton*, – явно заимствованы, на что указывает их консонантизм.

В анлауте праиранская глухая **k*- в исконных осетинских словах в непалатализирующей позиции отражается в виде *k*- (в ряде звуко-символических и экспрессивных слов также в виде абруптивного *k'*-), но не **g*-, ср. осет. *kæynyn* | *kæynun* ‘делать’ (с основой из праиранской презентной **kṛ-nau-* от корня **kar-* < и.-е. **k^her-* в огласовке **k^har-*), осет. *kæsyn* | *kæsun* ‘смотреть’ из праиранского **kaś-* (< и.-е. **k^hek-* в огласовке **k^haĕk-*¹⁰) и т.п. (Абаев I, 579–581, 589–590). Переход **k* > *g* характерен только для срединной позиции после гласных и в ряде случаев после носовых согласных. Праиранская анлаутная звонкая **g*- отражается здесь в виде современных осетинских увулярных согласных: иронской *q*- (глухой смычной увулярной) и дигорской *ɣ*- (звонкой фрикативной увулярной): ср. осет. *qarm* | *ɣar(m)* ‘теплый’ < **garma-* < и.-е. **g^hormo-*; осет. *qūs* | *ɣos* ‘ухо’ < **gauša-* (Абаев II, 266–267, 316–317), осет. *qūg* | *ɣog* ‘корова’, восходящее к суффиксальному образованию **gau-ka-* с отражением интервокальной **-k-* > *-g-* (Абаев II, 312). Иными словами, соответствие в исконной лексике анлаутных ирон. *g*- | дигор. *g*- не встречается. Слова с таким “соответствием идентичности” здесь либо заимствованы, либо отражают древние префиксальные образования с отпавшим впоследствии (обычно в иронском диалекте) префиксом, см. (Абаев I, 505 и сл.).

Кроме того, в осетинском языке древняя интервокальная **-t-* озвончается, поэтому глухая *-t-* в рассматриваемом слове скорее всего подтверждает его заимствованный характер. С точки зрения исторической фонетики продолжение в осет. *-t-* скифского **-θ-* вполне возможно, однако возведение скифского **-θ-* (и следовательно, осет. *-t-*) к и.-е. **-k-*¹¹ маловероятно: в исконной лексике данной группы языков, в отличие от древнеперсидского, закономерным рефлексом и.-е. **-k-* и наследующего ему раннего праиранского **ś* является *s*, но не **θ*. Ср. осет. *sælyn* : *sald* | *sælyn* : *sald* ‘мерзнуть, замерзать’ из праиранского **śar-* от и.-е. корня **kel-* (Абаев III, 64; Pokorny I, 551–552); осет. *kæsyn* | *kæsun* ‘смотреть’ (см. выше); осет. *fys* | *fus* ‘овца, баран’ из праиранского **paśu-* < и.-е. **peku-* (Абаев I, 500–501; Pokorny I, 797) и др.¹² Исключения в виде осет. *t* на месте ожидаемого *s* < и.-е. **k̂*, которые В.И. Абаев называет “перекрестными изоглоссами”¹³, отмечаются только в словах, относящихся к культурной лексике: в названиях предметов обихода *færæt* ‘топор’, *rætæn* ‘толстая веревка из ремней или прутьев’ и в названии вида дерева *talm* ‘ильм, *Ulmus*’, которое использовалось в Древнем Иране как строительный материал, о чем писал ранее сам В.И. Абаев¹⁴. Эти слова либо заимствованы из юго-западных иранских языков (вероятнее всего – из древнего или раннего среднеперсидского язы-

ка), либо фонетически уподоблены терминам, употребительным в “престижном” языке, что для иранских языков не редкость¹⁵. Таким образом, в языке-источнике осетинского названия плуга можно ожидать интервокальный согласный *t или *tʰ.

Что же касается вокализма первого слога в слове осет. *gūton* | *goton*, то в исконной лексике соответствие *ū* | *o* обычно отражает более ранний дифтонг *-au-. Это может свидетельствовать о том, что либо в языке-источнике огласовка этого слова была полной, то есть, **gau-tana-*, либо в период заимствования этого названия имела место ассоциация с исконным названием крупного рогатого скота.

В заключение хотелось бы подчеркнуть значимость для иранистики таких сведений, которые поставляют “побочные источники” (за которыми закрепился термин *Nebenüberlieferungen*) в виде заимствований из иранских языков в другие. Для пополнения материала древних иранских языков такими источниками служат заимствования в эламском, греческом, арамейском и др. ономастикономах¹⁶. Для пополнения не зафиксированного текстами и словарями иранского материала, в том числе лексикона более поздних иранских языков, ценнейшими источниками служат свидетельства различных языков (кавказских, славянских, тюркских и др.), где представлены разнообразные иранские заимствования. При этом важны показания не только “стандартных”, или литературных, языков, но и диалектов.

Примечания

- ¹ Лома А. К этимологии кавказского названия плуга // *Этимология 2000–2002*. М., 2003.
- ² Климов Г.А., Шагиров А.К. Общекавказское название плуга // *Лексико-грамматические особенности языков народов Карачаево-Черкесии (На материале кабардино-черкесского, абазинского и русского языков)*. Черкесск, 1990, 3–9.
- ³ Там же, 3–4.
- ⁴ Там же, 4–5.
- ⁵ Там же, 5–6.
- ⁶ Там же, 7–8.
- ⁷ Климов Г.А., Халилов М.Ш. *Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики*. М., 2003, 495.
- ⁸ *Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch*. 1904. (Repr. Berlin; New York, 1979), 633, 784–785.
- ⁹ См. Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология 1965*. М., 1967, 71–75; ЭССЯ 7, 197–198.
- ¹⁰ Приводимые в (Рокоту, 638–639, 641–642) “стандартные” условные огласовки данных корней *-e- вызвали бы в индоиранских языках палатализацию анлаутного заднеязычного согласного с переходом *k > *č, которая в этих глагольных формах не происходит.
- ¹¹ Лома А. *Op. Cit.*, 235–236.

- ¹² Подробнее об отражении индоевропейских палатальных в виде праарийских ранних *č, *ǰ, *ǰh > поздних *č, *ǰ, *ǰh и далее праиранских *š, *ž и о дальнейшем развитии их рефлексов в разных генетических группах и подгруппах иранских языков см. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986, 38–45, 80–93; Рассторгуева В.С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. М., 1990, 61–67, 127–130, 200–206.
- ¹³ См.: Абаев В.И. О перекрестных изоглоссах // Этимология 1966. М., 1968, 253–254.
- ¹⁴ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949, 139–140.
- ¹⁵ Примеров такого уподобления много в лексике и особенно в терминологии иранских языков, находящихся под воздействием персидского, таджикского и языка дари, в меньшей степени – языка пашто, или пушту. Из исторических примеров характерны такие случаи в древнеперсидском, например *Miθra-* – божество Митра (с первоначальным значением ‘договор’) – из мидийского или авестийского (ср. авест. *Miθra-*), для которых было характерно отражение праиранской группы *tr в виде θr, но исконное раннедревнеперсидское *Miça- – имя божества и *miça- ‘договор’ с собственным рефлексом *tr > ç, зафиксированные в эламском и в М ε σ ρ ο μ á σ δ η ç ‘Митра и Ахурамазда’ у Плутарха, а также в древнеперсидском слове *hamiçiya-* ‘относящийся к сговору, заговору; вероломный’ и т.п. (из *ha- < *sm- ‘со-’ + *miça- ‘договор’) в именном составном глаголе *hamiçiyam akunauš* ‘совершил сговор, заговор; поднял мятеж’, см.: Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964, 124, 133).
- ¹⁶ Например, Hinz W. Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.